

Готовцев Александр
**Рассказы, очерки,
сказки**

Готовцев Александр
Рассказы, очерки, сказки

«Автор»

2025

Александр Г.

Рассказы, очерки, сказки / Г. Александр — «Автор», 2025

Настоящая книга состоит из четырех глав: Глава 1. «От Поморья до Поволжья». В ней рассказывается о простой и размеренной российской жизни работающей семьи в глубинке на Волге и Северной Двине. Все просто и без преукраш, но тепло и уютно, в мире и согласии. Глава 2. «Мои особенные северяне». В данной книге их немного, но все они в той или иной степени вершили историю города Новодвинска – города труженика. Глава 3. «Особенности национальной действительности» - это реальный взгляд на происходящее в стране под названием СССР и Россия. Глава 4. Неожиданным образом сотворил несколько сказок, написание которых связаны с трудностями написания именно своих сказок: ни русских народных, ни волшебных и прочих...

© Александр Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Готовцев Александр

Рассказы, очерки, сказки

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТКУДА Я ТАКОЙ ВЗЯЛСЯ?!

Я никогда не спрашивал своего отца, был ли он на войне? Я просто не знал, что такое война, но внутренне чувствовал страх перед ней. И он тоже не рассказывал. Только иногда мой батянька начинал грустно петь странную военную песню с вроде бы веселыми словами, от которых хотелось плакать... В ИЮЛЕ 1943 ГОДА... Летом 1942 Сергей Готовцев только окончил фабрично-заводское училище, получил специальность слесаря и почти сразу же отнес заявление в военный комиссариат, заявив о своем желании идти защищать Родину от фашистских захватчиков. Он считал себя совершенно взрослым, потому что он родился 8 января 1924 года, и ему было восемнадцать лет! Обучение военному делу, владению оружием было недолгим. По всем физическим данным он подходил к службе в войсках специального назначения. Его взяли стрелком в штурмовой отряд специального назначения № 61 на Ленинградский фронт. Для моего отца Сергея Александровича Готовцева бой 8 июля 1943 года был первым и последним. Вражеская разрывная пуля раздробила ему левую ногу так, что он находился на излечении в госпитале до 4 5 27 декабря 1943 года. Память о том бое осталась на всю жизнь – сухая, малоподвижная, почти неживая нога, которая странным образом пришепывала, когда он передвигался. Я видел его ногу, когда с отцом ходили в городскую баню. Я ни о чем его не спрашивал, потому что видел еще, какое у него мощное, мускулистое и сильное тело, как легко и незаметно он справлялся со своим недостатком. Да и когда ему и маме было скучать, если в нашей семье после войны родилось четыре мальчика, один другого забавней и милее?! По окончании лечения врачебная комиссия выдала Готовцеву Сергею Александровичу справку о пребывании на фронте и отметкой: «Ранен в бою при защите СССР», «Свидетельство об освобождении от воинской обязанности» с исключением с учета по группе 1 статьи 10-а по Приказу ВМ СССР № 130. Ни наград, ни поощрений... «Белый билет» на руки – и свободен. Только на одну из юбилейных дат в честь Победы отца вдруг вызвали в Северодвинский военкомат и вручили медаль «За боевые заслуги», к которой он был представлен после того памятного боя в июле сорок третьего. Но она ему

уже была ни к чему, так как в 18 ноября 1978 года отец умер от сердечного приступа. Я помню умелые руки отца. Я знал, что пока он рядом – все будет хорошо. Спасибо тебе, отец за Победу, за отвагу, за скромность! Вы с мамой вырастил четверых сыновей, дали нам образование, защитили нас от

врага!

ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ!

Обычно каждое лето вся наша большая дружная семья отправлялась на каникулы в деревню Власьевская Верхнегоемского района Архангельской области. Путь из Северодвинска до деревни был не легким. Сначала теплоходом до Архангельска, потом переправа через Северную Двину на утлом суденышке под названием «Балхаш» до речного вокзала. Потом почти два дня плавания на колесном пароходе под названием «Иван Каляев» до пристани

Нижняя Тойма. Там снова переправа на лодке, потом тихая и убаюкивающая езда в телеге на лошадке. И мы в деревне...

Фантастические запахи просмоленных канатов, угольной копоти, теплых от солнца досок пристани, конского навоза, рыбной чешуи и убаюкивающий плеск речной волны навсегда сидят в моей памяти. В деревне местная детвора почему-то нас называла «героями». Кричали нам – четверым братьям вслед: «Вон, смотрите, герои идут». Для меня это долго оставалось тайной, и даже обижало. Думал, что это из-за нашей мамы Рисы Игнатьевны. Государство наградило ее почетным званием «Мать-героиня» за четверых сыновей. А за самоотверженный труд на «Севмаше» она заработала орден «Знак Почета». По моему разумению – она единственный и настоящий Герой. А мы-то кто, мы причём? Оказалось, что причиной такого прозвища стал старший двоюродный брат нашей мамы Иван Вежливцев. В девичестве фамилия мамы была Вежливцева. Иван был намного старше нашей мамы. Он родился 14 марта 1909 года. После окончания 5 классов пошел работать в колхозе лесорубом. Служил в Красной армии в 1931–33 и 1939–40 годах. Воевал в Отечественной войне Иван Вежливцев почти с самого начала, с августа 1941 года и тоже на Ленинградском фронте, как мой отец. Сначала 6 7 разведчиком... Ловок был Иван, умел справиться с любым самым сложным заданием командования. Он с лёгкостью мог приспособиться к окружающей природе и слиться с ней, стать невидимкой. Да и оружием владел отлично. Все эти качества ему очень пригодились, когда командование направило его на курсы снайперов. А затем назначило снайпером в составе специальных пограничных войск. Вот тогда и заблистали таланты настоящего бойца ефрейтора Ивана Вежливцева. Крестьянская смекалка, опыт человека, рожденного северной природой, разумная и практичная смелость позволили ему быстро стать настоящей угрозой для фашистов. Отвага и умение, осторожность и оправданная наглость сделали его беспощадным к врагам бойцом. Начало войны для нашей страны – самое тяжелое время. Отступления, потери, гибель товарищей. Все это накапливало боевую злость... Так случилось, что однажды глубокой осенью 1941 года под Малой Дубровкой Вежливцев с группой бойцов был отрезан от своих. Фашисты окружили советских бойцов и открыли такой огонь, что, казалось, им не спастись. Командование части посчитало их пропавшими без вести. Не вернулась группа в положенное время... На родину пошли «похоронки». Жена Ивана Дмитриевича Евдокия тоже получила такую «похоронку»... Но оказалось, рано было хоронить Ивана. ... Окруженная, доведенная до отчаяния группа советских бойцов выдержала натиск роты немецких солдат. А потом они просто плюнули на смерть, и пошла схватка за жизнь. Метким огнём смельчаки отразили все атаки фашистов, пошли в ход и гранаты. Ночью удалось прорвать кольцо окружения. Через 8 дней красноармейцы вернулись в свою часть! После такой рубки слабый давно бы спасовал, но только не Иван... Сидела в крови у Ивана жилка лесника-охотника. Умел он выбирать снайперские позиции для атаки. Подбитый безжизненный танк, стоящий недалеко от позиций врага, вдруг ожил... Тщательно изучив подходы к шоссе, где стоял танк, Иван пробрался в него незамеченным. Многие часы выжидал цель снайпер в башне промёрзшей машины, не выдавая себя. Вот показалась колонна вражеских автомашин. Выстрел зажигательной пулей – и мотор вспыхнул, как факел. Последовал ещё выстрел – загорелась вторая машина. В панике фашисты разбежались по сторонам. Многие из них погибли от метких пуль снайпера. Отход с позиций прикрыли товарищи. А потом была охота на немецкого снайпера. Долго длилась эта охота. Выследил Иван назойливого фашистского стрелка. Его терпение оправдалось победой. Достал он немецкого снайпера вместе с наблюдателем и их прикрытием. Шуму наделал много, но смог выбраться и придти к своим. К январю 1942 года на личном счету старшины Ивана Дмитриевича Вежливцева значились уничтоженными 134 вражеских солдат и офицеров. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкофашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшине Ивану Дмитриевичу Вежливцеву было

присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 635).

Окончил войну Иван Вежливцев лейтенантом без единой царапины, а погиб трагически в мирное время в августе 1957 года от рук неизвестных, когда председательствовал в колхозе «Восход». Дом Героя давно опустел и обветшал. Умерла жена Евдокия. Дети разъехались кто куда. Деревня опустела. Лишь скромная мемориальная табличка на доме говорит о том, что здесь жил Герой Советского Союза, жили Вежливцевы. И уже никто больше не называет и не назовет «героями» четырех братьев, племянников настоящего Героя Советского Союза, беспощадного к врагам Отечества, отдавшему жизнь за Родину! Но которые будут помнить о подвиге своего отца, останутся благодарными своим героям, безвестным и именитым, за Победу, за Свободу, за Счастье живущих на родной земле.

ГЛАВА 1

ОТ ПОМОРЬЯ ДО ПОВОЛЖЬЯ

Долго ли – коротко ли, близко ли – далеко ли, но случились эти истории со мной в самом начале двадцать первого столетия, в удивительной стране под названием Россия...

Причудливыми и непредсказуемыми бывают поступки человека, однажды поверившего, что есть земля со сказочными условиями для простой, обычной жизни. Без излишеств и прихотей, без постоянных нервного напряжения и психических перегрузок. Земля, где на первое место выходит спокойный размеренный уклад обитания, гармония с природой, где светит и греет, ласкает и успокаивает огромное рыжее Солнце!

Однажды я поверил в существование такого уголка в России, на берегу реки Унжи, впадающей в прекрасную матушку – Волгу...

Течёт река Унжа...

Река Унжа несёт свои воды в какой-то тысяче километров от Северной Двины по просторам Костромской и Нижегородской областей, в самом сердце России. Река своеобразная и непредсказуемая в своём поведении. Это я понял значительно позже...

Чтобы добраться до места назначения из Архангельска, мне пришлось потратить чуть более суток. По железной дороге поездом до Ярославля, автобусом до Костромы, дальше в сторону провинциального городка Макарьева. Очередное препятствие – паромная переправа через Унжу. И вот она – деревня Горчуха! Название показалось странным, даже пугающим. Наверное, оттого, что в корне его лежит слово «горечь». В первый момент подумал, правильно ли поступил, не совершил ли ошибку в поисках земли обетованной?

...День был летний, теплый. По разбитой асфальтовой дороге, заросшей по обочинам ивняком и осинником, три километра пешего хода. Впереди завиднелись первые строения. Смущало отсутствие людей, словно в этом краю никто не живёт. Только грозный рык собак во дворах, за заборами предупреждал: люди здесь есть. В одном из ближайших таких дворов заметил мужика лет шестидесяти. Он мирно ковырялся с каким – то агрегатом, слесарничал. Меня он заметил сразу, но виду не подал, занимался своим делом.

На моё «здравствуйте» отозвался охотно. Разговорились... Оказалось, он ремонтировал лодочный мотор «Вихрь», готовил свою лодку для плавания по Унже. На его прямой вопрос, откуда я такой взялся, был такой же прямой ответ: из Архангельской области, из города Новодвинска. Ни сколько не удивившись, понимая, что я приехал с определенной целью, он помалкивал. Ждал более конкретного и детального ответа. Собственно, скрывать мне было нечего и незачем:

– Знаете, слышал я от людей, что жить у вас тут – благодать. И климат хороший, и река рядом, рыбалка отменная, лес под боком, да и народ доброжелательный. Решил проверить, взял вот, и приехал. Может, случится, что и жильём у вас обзаведусь. Дома-то есть на продажу?

Его недоверие ко мне, к чужаку, растаяло. Понял, что я не скрываю своих истинных намерений, только удивился, как это я, не зная никого в далёком краю, в одиночку занимаюсь столь серьёзными вещами. В душе я частенько удивляюсь сам себе, своим отчаянным поступкам. Но переделать свой авантюрный характер не могу. Сидит во мне эдакий зуд любопытства, толкает на беспшабашные действия и предприятия. Хотя точно знаю, что эти шаги просчитал, предусмотрел возможные риски и их последствия.

Валентин, так звали мужика, после этих слов расслабился, глаза его подобрели, у него как будто внутри разжалась внутренняя пружина, заставлявшая напрягаться. Без предисловий объяснил, что рад новым людям. И слегка польстил мне, добавив – к хорошим людям. Честно говоря, я тоже успокоился.

Валентин отложил свои дела, предложил отдохнуть с дороги, перекусить, чем Бог послал, оставить дорожные сумки в его доме. А потом пройти по деревне. Он готов был показать те строения, которые односельчане продавали по тем или иным причинам. На всё про всё у нас ушло около часа. Я переоделся в обычную походную одежду, освежился холодной колодезной водой, взбодрился. Глядя на меня, Валентин повторил мои действия, и мы пошли. Маршрут был известен только ему одному, но перед этим он предупредил, что стоит осмотреть только четыре дома, о которых он знает. И если что-то меня в них не устроит, следует искать другие варианты на следующий день. Он был прав, так как уже начинало вечереть.

Первый дом мне не понравился. Большой, расположенный в болотистой низине, он казался больным и неухоженным. Я не ошибся. Валентин пояснил, что в нем все полы изъедены древесным червем. Внутри стоял запах гнили и плесени, подтверждая мои догадки. А вот пройдя от него каких-то сто метров вдоль берега реки, я невольно остановился у маленького аккуратного домика, окруженного покосившимся забором, многолетними пихтами и соснами. Валентин заметил мой интерес. Сказал, что к этому домику и шли. Окончательное решение о его покупке созрело моментально, когда увидел, что адресный номер на нём соответствует домашнему номеру в Новодвинске. Всё сошлось. Поиски можно было прекращать, что мы и сделали. Узнав, где живет хозяйка дома, быстро нашел её, тут же на месте оговорили с ней цену за подворье, ударили по рукам. Ключи у меня в кармане...

Вошли в дом. Старенькая обстановка напоминала о прошлых его владельцах. Запахи десятилетий причудливым образом напомнили деревенскую избу моих родителей в Верхне - Тоемском районе Архангельской области... Словно и не было тысяч километров, разделяющих два далеких, и одновременно близких, деревенских дома. Что тут скажешь – велика Россия!

Ну, а здесь электроэнергия есть, газ есть, печи исправны, баня в порядке. Вселяйся и живи! Что я немедленно и сделал. Уже к вечеру, осматривая незнакомое хозяйство, представлял, как и что буду переделывать и перестраивать к приезду своей семьи...

Усталость и волнения прожитого дня постепенно сморили. С Марией, бывшей хозяйкой дома, договорились встретиться на следующее утро, чтобы начать процедуры оформления нашей сделки. На том и расстались.

...Ах, как приятно сознавать, что ты хозяин пусть крошечного, но своего кусочка земли, где рядом, всего в двадцати пяти шагах под угор могу плескаться в теплой речке, любоваться вечерним закатом солнца и с нетерпением ожидать прихода следующего дня! Да и ждать – то его не пришлось. На старенькой деревенской кровати, застеленной Марией свежим бельём, я не заметил, как уснул.

Пробуждение.

Ничто не мешало моему сладкому сну. Только чутко улавливаю чьё-то лёгкое царапанье в приоткрытое окно... Не одеваясь, босиком выхожу из дома и начинаю утренний обход. Рыжее умытое Солнце уже выглянуло из-за реки. В старом дубе на берегу, совсем рядом с домом, проснулись в дупле дикие осы – шершни. Они не обращают на меня никакого внимания, я им не нужен, а они мне тем более. Роса щекочет ступни, бодрит, будит окончательно. Стараясь не обжечься о молодую крапиву, обхожу вокруг дома. За первым же поворотом встречаюсь с котом Рыжиком. Это первый сосед, который показался на мои глаза в столь ранний час. Я мысленно назвал его Рыжик. Он держит в своём рту что-то бесформенное и шевелящееся. Весь напряжен до кончика хвоста. Ступает вкрадчиво, с опаской. Но, увидев меня, услышав присвоенную ему кличку, на секунду расслабился, чтобы поприветствовать меня. Этого мгновенья было достаточно. Из раскрытой пасти Рыжика выпорхнул стриж. Он свечой взмыл к прозрачному небу, даже не чирикнул на прощанье. Зато кот в это утро диким безудержным мяуканьем высказал всё, что он обо мне думает! Провожал меня по пятам до реки, шипел и грозился на своём кошачьем языке.

А Солнце поднималось выше и выше, подсказывало – пора купаться, а не рассуждать о потерянном завтраке Рыжика. В воду кот не полез, а остался ждать меня на берегу...

Речка Горчюшка.

Из собственной практики знаю, что незнакомый водоем всегда таит в себе угрозы. В его водах могут быть скрытые опасности: обилие водорослей, заиленное болотистое дно, или еще хуже – донные коряги, затонувший лес, утерянные рыболовные снасти, острые камни, мусор или битое стекло. Поэтому к водной кромке подходил осторожно. Берег действительно зарос остройшей осокой, заболочен. И найти тропинку к речке оказалось не так просто. Помог сосед, который наблюдал за моими действиями из рядом расположенного дома. Петр Васильевич, так его звали, незаметно для меня устроился на высоком берегу у огромной поленницы дров, грелся на солнышке, ухмылялся над моими действиями. Не выдержав моей суеты, окликнул меня:

– Кто будешь, мил человек? Никак новый сосед?

Я удивился информированности незнакомца. Виду, правда, не показал. Поприветствовал крепкого жилистого, в приличных годах мужчину. Он меня нисколько не стеснялся. Чувствовалось – это хозяин...

Знакомство было коротким. Представился, назвал свое имя и отчеством. На что он резонно заметил:

– до Александра Сергеевича ты еще не дорос, а Александром звать – самое то. Посмотрю, какой ты Сергеевич.

Я видел, что любопытство его разбирало. В его глазах прямо читались вопросы: откуда я и кто таков, зачем я здесь? Это был вполне здоровый интерес местного человека к чужаку, к незнакомцу.

Подтвердил догадки Петра Васильевича словами, что собираюсь купить дом и привезти на лето свою семью.

– Грач, одним словом, птица перелетная: окрестил меня сосед.

Я не обиделся на его прозвище, так как прекрасно понимал, что утверждать свое имя – отчество мне придется конкретными делами по хозяйству. Что, собственно, и произошло буквально через один месяц.

А сейчас меня интересовала река. Сосед провел краткий курс по географии и экономике, пояснив, что речка зовется Горчюшка, что она впадает в Унжу, а та, в свою очередь, в Волгу. Что раньше по этим рекам сплавляли лес молеми, которого еще много разбросано по берегам, много затонуло. Как при весенних паводках деревья смываются с берегов и поднимаются со дна. А он, Петр Васильевич, их вылавливает на лодке, подтягивает к берегу, крепит возле самого дома. А потом, когда вода уходит, пилит лесины, колет чурбаки, готовит дрова на зиму.

Чего-чего, а дров у него было заготовлено ни на одну зиму, даже при интенсивной топке всех печей в доме и в бане.

– Паводки бывают мощными, вода подходит к самому дому, смывает все преграды на своем пути. Ты гляди, Александр, забор на твоём участке смыло именно весенней водой. Так что сегодняшняя тишь да гладь на речке – дело временное.

Слова соседа заставили меня задуматься. Для себя решил – обойду хозяйство позже, что смогу, сразу поправлю. А то за разговорами и искупаться не успею. По указанной Петром Васильевичем тропке я направился к реке. Она привела меня к огромному плоту, закреплённому со всех сторон кольями, чтобы не перемещался от течения реки. В воду такой плот уходил метров на восемь. Ширина до двух метров. В просторечье местные называют такие плоты «бониками». По побережью, оказывается, их выстроилось около десятка, через пятьдесят метров друг от друга. Назначение прозаичное – для полоскания стираного белья. Благо, вода в Горчюшке чистейшая. Что и требовалось. Позже мне доводилось видеть, как десятки женщин, устраивались на колени, дружно согнувшись с «боника» над водой, выставив свои

круглые зады вверх, весело полоскали свежестиранное белье, смеялись и брызгались друг на друга, обсуждали местные новости.

И я улыбался вместе с ними...

Теплые доски на плоту, местами прогнившие от времени, приятно грели ступни. Едва не провалившись на одной из них, понял – надо быть осторожным даже на тверди. Уселся на кромке боника, попробовал температуру воды. Она была прохладной. Без брызг и плеска опустил в реку. Глубина около метра. Дно песчаное, чистое. Нырнул. Двадцать метров прошел под водой. Попробовал измерить глубину. Прилично, около трех метров. Это радовало. Вернувшись обратно, сидя на плоту после купания, размышлял о предстоящей рыбалке, верил, что рыба здесь есть, что Горчюшка меня удивит своим скрытым внутренним миром.

Расставаясь с рекой, я похлопал ладонью по ее сверкающей гладкой поверхности, сладко потянулся и направился к своему дому.

...Соседа на берегу не было...

Первым делом...

Осмотреть дом и прилегающие строения за считанные часы и дни, выявить скрытые изъяны довольно проблематично. С утра ограничился кухней. Большая русская печь радовала душу. Электричество в доме есть, есть электроплитка и газовая плита. Все исправно. Необходимый минимум сковород и кастрюль, чашек и тарелок успокаивал – с голоду не помру.

В зарослях колючего шиповника возле веранды нашел колодец с ключевой водой, набрал пару ведер. Быстро нагрел воды, перемыл посуду. Еще минута, и на сковородке зашипела колбаса. Вареные яйца, хлеб, взятые в

дорогу, скрасили стол. Горячий кофе подытожили завтрак. Теперь за основное

Сельсовет и горсовет.

Как добропорядочный гражданин своей страны, я направился на регистрацию в местную поселковую администрацию, чтобы познакомиться с властью, себя показать и встретится с Марией, пока еще владелицей облюбованного мною дома. Мария работала в Горчюхинском сельсовете, что способствовало скорейшему узакониванию нашей сделки по купле-продаже дома и земельного участка под ним.

Весь персонал сельсовета – четыре женщины. Мой приход отвлек их от бумажных занятий. Тут и Мария подошла. Кратко объяснила коллегам цель моего прихода. Она предложила отправиться в город Макарьев, чтобы начать оформление покупки. Час езды на рейсовом автобусе, минут тридцать пешего хода, и мы оказались за сорок километров от поселка, в районном центре. По сути дела, городом этот населенный пункт можно назвать условно, так как он был чуть больше Горчюхи. Те же деревянные постройки, такие же люди, та же растительность в огородах. Только в центре выделялся огромный древний и действующий Макарьевский монастырь, а рядом стояло двухэтажное здание городской администрации. Не буду описывать процедуру оформления собственности, важно, что через неделю я получил свидетельство о регистрации на дом и на земельный участок. Дело было сделано. Подарок семье состоялся! У нас появился свой «угол» в центре России!

Этот маршрут до Макарьева я изучил досконально, что в последствии мне очень пригодилось при передвижении на своем стареньком грузовом автомобиле ЗИЛ – 130.

Новые знакомства.

Неделя для меня даром не прошла. Облазил в доме все закутки, подполье, веранду, баню, подсобки, дровяник. Осмотрел огород, перемерял свои 12 соток, слазил на крышу для осмотра кровли. Чувствовался упадок во всем, в отсутствии хозяйских рук. Дом скучал без человека, медленно умирал.

Он начал оживать под стук моего молотка, топора, пилы. За день восстановил обрушившийся забор со стороны реки, подновил его с фасада. Без забора не обойтись: местный животный мир, коровы, козы, овцы спокойно и беспрепятственно вытаптывали и объедали во дворе все растущее. Так не годилось.

Вся территория, прилегающая к дому, была усеяна осыпавшимися прошлогодними пересохшими иголками и ветками сосен, елей, пихт, окруживших мой дом плотной стеной. Хвойные деревья, как могучие великаны, охраняли подступы к подворью. Они были высажены работниками местного лесничества пятьдесят лет назад в строго размеренном порядке. Смотрелись великолепно, даже без дальнейшего человеческого ухода. Чистка территории отняла почти день. Но зато, как было приятно ступать по мягкой и убранной траве босыми ногами!

Работа утихала только лишь на время моих походов в магазины за продуктами, приготовление пищи, отдыха. На пятый день ко мне заглянул Петр Васильевич. Он был удивлен произошедшими переменами. Я даже заметил, что после таких посещений в его дворе тоже начинал стучать молоток и топор. Азарт моего труда его захватил. Поздним вечером, сидя на бону, покуривая сигарету, я мечтал, как здесь будет здорово моим детям, жене. С этими мыслями и ложился спать. А утром все сначала...

Так получилось, что в один из дней ко мне заглянули сразу несколько соседей. Милейшие люди со здоровым любопытством. Охотно с ними познакомился, выслушал их практические советы по благоустройству, по методу протапливания деревенских печей. Дело оказалось не простое. Помогли в чистке дымоходов, показали, в каком порядке следует открывать и закрывать вьюшки, как чистить золотники. В итоге мои печи не дымили, а с удовольствием проглаживали поленья, которых успел заготовить до трех кубометров. И прогревались так, как надо. В доме исчезли влажность и сырость.

Наносил полевых цветов, которые источали невероятные запахи из детства. По мере оживления дома, я сам становился взрослым младенцем!

Итак, неделя пролетела мгновенно. Уже взят билет на обратный путь до Архангельска. Уже предупреждены мои домочадцы в Новодвинске, чтобы ждали меня и готовились к автомобильному пробегу через половину России с Белого моря в центр Поволжья. Уже волнение предстоящего общего переезда захватывали меня всего насквозь. Я торопил время предстоящих встреч и открытий!

Хождение за четыре области.

Есть определенные преимущества при езде в общественном транспорте. Сел в автобус, взял газету в руки и ... хочешь читай, хочешь накройся ей и спи, или в окошко смотри. Примерно то же самое можно делать в поезде, в железнодорожном вагоне.

Совсем другие чувства овладевают всем твоим существом, когда готовишь в дорогу автомобиль. Хорошая модель – бортовой грузовик «ЗИЛ – 130». Но за пятнадцать лет эксплуатации он порядком износился, требовал внимания и заботы, в чем никогда не был обделен.

Я прекрасно понимал, что ехать на нем почти полторы тысячи километров по неизвестному маршруту дело крайне рискованное. Хотя по дорожному Атласу достаточно подробно изучил все проходимые участки, населенные пункты, города, районы и области. Одних областей насчитал четыре: Архангельская, которая размером почти с Францию; не меньшую Вологодскую; Ярославскую; Костромскую. Так что преодолеть предстояло пространство величиной почти с Европу, если не больше! И что оно преподнесет нам – предсказать трудно.

Перед нами, то есть перед сыном Ваней, дочерью Таней, женой Валентиной, ее матерью Софьей Александровной во всем величии вставал простой, как придорожный столб, вопрос: ехать или не ехать на «Зилке». Внутренне все понимали – риски велики, но и совершить такой автопробег очень хотелось каждому из нас.

Сразу же успокою читателей, до места мы добрались удачно. Но пережитые за двое суток пути приключения требуют как минимум отдельной главы.

Дорога.

Трасса «М – 8» в Архангельской области у шоферов пользуется дурной славой. Из-за узкого дорожного полотна, множества ям и выбоин ее зачастую называют «дорогой смерти»! Слышал от водителей жуткие истории автокатастроф на ее перегонах, но верил в свою удачу, в свой профессионализм. Как никак мой водительский стаж достигал на тот момент почти двадцати лет. При этом никогда не позволял себе даже минутной расслабленности. Знал, что такой опыт может легко перерасти в самоуверенность. Поэтому одергивал себя при желании совершить резкий маневр на дороге или гнать машину быстрее. Максимум, что я позволял себе на прямых участках – скорость под 90 километров в час. Слишком высока ответственность перед семьей.

Да и в кабину вместе со мной устроилась теща, которая нет-нет, да и норовила вмешаться в мои действия своими подсказками, как нужно рулить. Плюс от такого вмешательства был: она держала меня в тонусе, не давала расслабиться. Но иногда это раздражало, правда, виду я не показывал.

Грузовик наш с виду был, словно цыганская кибитка. Борта наращены до размеров фургона, сверху обтянуты брезентом. Внутрь проведен свет и сигнализация на случай остановки. Глухой полог закрывал от попадания дорожной пыли. Съёмный трап позволял удобно спускаться на землю во время остановок. Внутри кузова укрепили деревянные кровати с мягкими матрацами, одеялами, подушками. Для каждого было свое место. Все было ладно и достойно. Только я прекрасно понимал, что любой инспектор ГАИ в одну секунду может снять нас с дистанции за неправильно оборудованную машину. Или хотя бы за то, что вместо бортового автомобиля я сделал из нее фургон.

Продуктов было заготовлено впрок, начиная от воды и бутербродов до фруктов и соков.

С замечательным настроением мы легко преодолели первую сотню километров, сделав остановку в Холмогорах. Жалоб от домочадцев не поступало. Но я пре-

красно чувствовал, находясь за рулем машины, как водит кузов, как трясет ее даже на самых маленьких выбоинах. Более того, понял, что полог не защищает от пыли, и кузов наполняется ей по мере движения. Заметил, что первый азарт дороги у семьи спал, что медленно к ним начинает подкрадываться сомнение и уныние. Никто, правда, виду не показывал, но я и так все понимал. Уговорились, чтобы без вся-

ких стеснений сообщали о возможной остановке, чтобы можно было погулять и раз-

МЯТЬСЯ.

Первые «гаишники» остановил нас в Вологде, прямо в центре. Так получилось, что дорожные знаки завели меня под знак «Грузовое движение запрещено». Два сержанта устроили откровенный допрос, что я тут делаю. Когда они заглянули в кузов и увидели на полуvinу очумевших от тряски жену и детей, то просто указали, как выбираться и куда ехать. Они, похоже, посчитали меня полным сумасшедшим, но водительских прав не потребовали. Значит, я оказался не таким уж ненормальным.

Были и другие остановки, например, в Вологодской области, и городе Буй Костромской.

В Буй мы попали ночью. Место абсолютно незнакомое. Остановились на слабоосвещенной площади. Мне показалось странным, что здесь были такси. Но нас устроило то, что хоть какой-то свет тут был, и что есть живые люди.

Прямо под низкорослыми кустиками мы справили естественные надобности, умылись, покушали и улеглись спать. Только утром, оглядевшись вокруг, поняли – мы в центре города Буй, прямо у здания городской администрации, и нам следует срочно покидать это место. Что мы и сделали.

Дорожный Атлас говорил – нам ехать еще триста километров, минуя разные провинциальные российские городишки. Эти километры были уже мелочью для нас. Да и дороги в Костромской области были значительно лучше, чем наши архангельские.

Последний этап – водную преграду мы преодолели на пароме, ходящем через реку Унжу.

Сил ни у кого не осталось, чтобы как-то реагировать на открывающиеся красоты. Я мысленно поблагодарил семью за терпенье, за то, что машина не подвела, и плавно подъехал к нашему дому.

Отпуск.

Чудесное теплое солнечное утро нейтрализовало нашу общую усталость. Не было лишних и пустых слов восхищения. Все смотрели широко открытыми глазами на то, куда их привела дорога. Смотрели на блестящую реку, на уютный домик и двор, на сосны и пихты вокруг, на огромный дуб во дворе. С легким скрипом открылись входные двери, загорелся свет на кухне, в комнатах. Началось знакомство и обустройство. За одни сутки все пришли в себя после дороги. Домик зазвенел от голосов детей, начался наш летний и желанный отпуск.

На уборку помещений и мелкий ремонт ушло совсем немного времени. Протопили печи в доме, затопили баню, наносили воды из реки и из колодца, наготовили еды. И пошел у нас пир да отдых. Буквально через сутки, осмотревшись, семья признала мой выбор правильным, и что жить здесь можно вполне прилично. С парным молоком от соседней появился творог, сливки, сметана. Прибежал мой хороший знакомый Рыжик. И не один, а с другом Васькой. Так они у нас и остались.

В деревне летняя пора кормит весь последующий год: люди спешат заготовить сено для коров, коз и овец; собирать ягод, а их в этих краях видимо – невидимо, начиная от голубики и черники, заканчивая земляникой; засушить и законсервировать свежих грибов; наловить, насолить и навялить рыбы, которой тут тоже хватает в изобилии. Так что нужно всего лишь определиться, что для тебя сегодня важнее – работа в огороде или заготовки лесных даров природы.

С ягодами мы решили просто – покупать у местных жителей по мере надобности, потому что лесов здешних не знаем, и рисковать понапрасну ни к чему. Да и комаров, слепней, оводов и мошек кормить не хотелось. Но за земляникой мы все – таки ходили, и за какой-то час собирали до литра удивительно пахучих и вкусных ягод, ягод из нашего детства!

Грибы еще не выросли. Так что оставались работы в огороде и по дому, купание, загораение и моя любимая рыбалка.

Дети быстро перезнакомились с местной ребятней, пропадали на реке, но под моим контролем. Вечером начинался целый игровой клуб с электронными игровыми приставками. Ста-

рался играть с ними на равных. Жалко, что времени на отпуск нам с женой было отпущено всего полтора месяца...

Большая и маленькая.

Мои мечты половить большую и маленькую рыбку с лодочки или прямо с берега, похоже, начинали сбываться. Лодку предоставил сосед Петр Васильевич, который, кстати, уже звал меня Сергеевич. В июльское пекло больше приходилось думать не столько о рыбалке, сколько о способах защиты от палящего солнца и сохранении пойманной рыбы. В лодке скрыться от него проблематично, поэтому выходил на рыбалку утром, пока было относительно прохладно. Основную проблему по поиску наживки помог решить сосед Константин Панкратов. В его огороде среди навоза спокойно развелись черви, которые являются лучшей приманкой для лещей. Посчитал, что двух десятков драгоценных червей хватит для начала. Так, собственно, и вышло...

Не мудрствуя лукаво, полагая, что рыба есть везде, встал на импровизированный якорь из звена тракторной гусеницы посреди Унжи. Гладь воды сверкала от солнца, подчеркивая величие и красоту реки. Буквально с нежностью нанизал трех червей на один крючок, образовав некий пучок, забросил насадку на длинной леске с помощью удилища спиннинга и грузила метров на тридцать от лодки, сделал натяжку лески и сосредоточил все свое внимание на кивок удилища. Не прошло и минуты – первая поклевка! Короткая подсечка... Вывожу серебристого подлещика размером с хорошую мужскую ладонь. Начало положено, это радовало...

Тихий рокот японского мотора отвлек мое внимание. Не доходя до меня метров двести по течению, на якорь встал легкий катер. Сначала к этому я отнесся равнодушно. Но постепенно мое внимание привлекли действия капитана, матроса и рыбака в одном лице. Движения его были ритмичны и строго выверены. Рыболов четко работал спиннингом, приманивая рыбу. На какое-то время мне пришлось отвлечься, так как мощная поклевка на моей удочке дала знать – подсекай! Я успел это сделать... На другом конце удочки сидело что-то серьезное, напряжение лески то возрастало, то ослабевало. Применив все свои навыки, я подтянул рыбу к борту своей лодки. Темная мощная спина изогнулась в воде, блеснул серебряный бок крупного леща. Поразительно, я никогда не брал с собой подсак. Но в первый же день рыбалки почему-то взял его. Как же он мне пригодился. С максимальной осторожностью подтягиваю рыбу, завел подсак. Есть, лещ пойман! Размером он был с ширину моих плеч.

Дальше дело развивалось совсем неожиданно. У соседа – рыболова тоже произошла поклевка. Но она не шла ни в какое сравнение с моей. Его удилище словно переломилось, вибрировало от большой нагрузки. Все старания по вываживанию неизвестной рыбины сводились на нет ее мощными действиями. Я обратился к Вячеславу, так звали рыбака, нужна ли помощь? На что получил ответ: должен справиться. Но, когда Слава отсоединил якорь, и катер потащило прямо к моей лодке против течения, он запросил о помощи. Быстро снявшись с места, я причалил со свободного борта катера, закрепил лодку борт о борт, перебрался к рыбаку. Подсак у Славы был значительно больше моего, я вооружился именно им, стал дожидаться того мгновения, когда его

нужно будет заводить под рыбину. Это время пришло. Со второй попытки большой сом

попался!

Такая удача в виде двадцати килограммового сома в первый же день сделала меня вполне счастливым человеком, и ничто не могло разубедить меня в этом! Даже в те дни, когда рыба совсем не хотела ловиться...

Гроза на Унже.

О своенравии Унжи я уже говорил, и лишний раз убедился, насколько слаб человек по сравнению со стихией, как бы он не кичился своей властью над природой. В считанные минуты зеркальная гладь реки ощетиливается острыми и колючими волнами. Течение реки особенно на стрежне, не дает ее переплыть, сносит так, что можно оказаться за километры от нужного места причаливания. В дополнение мощный ветер и крупный град делают человека в лодке маленькой песчинкой в мироздании... И, когда справляешься с такой стихией, начинаешь уважать не только природу, но и себя. За то, что поборол страх, не бросил весел, дошел до берега, остался жив!

Похожие чувства возникают не только на реке. Гроза на Унже охватывает почти всю деревню разом...

Средь бела дня приходит темнота: небо затягивает сплошной фронт из черных туч. Дикая ветер гнет и ломает все на своем пути, будь то дерево, линия электропередач, крыши зданий из кирпича или бревенчатых домов. Гул ветра дополняется грохотом грозовых разрядов, сверканием молний. Их ослепляющие вспышки проносятся по небу десятками одновременно, они раскалывают тучи во всех мыслимых и немыслимых плоскостях: по вертикали, горизонтали и диагонали одновременно.

Одна из многолетних берез на берегу реки упала на крышу веранды нашего дома, другую переломило как спичку прямо в центре деревни. Людей спасло то, что береза упала на собственную крону из ветвей и смягчила удар.

Зато потом после грозы жители смотрели друг на друга по-новому, с уважением и пониманием, объединенные незримыми нитями ушедшей беды. А как потом веселились ребята, раскачиваясь на ветках поваленной гигантской березы, словно на качелях.

Как сытно было домашней скотине, набежавшей со всей деревни обглаживать березовую листву, как оперативно и быстро потом распилили огромное дерево деревенские мужики, из которого они накололи не один кубометр отличных дров.

А как легко дышится после грозы, каким удивительно чистым и свежим становится воздух. Ароматы свежести заполняют все вокруг. Умытые деревья, трава, дома, заборы, сараи становятся близкими, понятными и родными, как живые существа, которых давно не видел, по которым очень соскучился!

Лунная дорожка.

Искупаться в реке после грозы сплошное удовольствие. Особенно ночью. Бешенные, лохматые волны после бури исчезают. Прозрачная тишина наполняется стрекотом кузнечиков и цикад. Густой воздух, насыщенный послегрозовой влагой, переливается всем цветовым спектром, делая окружающую обстановку еще более сказочной и нереальной. Речная гладь темнеет, а ночью становится черной и блестящей. В этом черном зеркале купалась Луна, которая спустилась с небес в Горчюху по волшебной лунной дорожке, которая светилась, как серебряное лезвие гигантского длинного и узкого кинжала. Вместе с Луной в буйном танце заводят волшебный хоровод яркие звезды. Ночь оживает, искрится, манит.

Желание дотронуться до этого «лезвия», желание искупаться в лучах этого фантастического сияния побороть невозможно, да и не нужно. Наоборот, я тихонечко зову жену посмотреть на это великолепие, приглашаю ее искупаться в водах притихшей и манящей речки. И мы идем по ночному «бонику», раздеваемся до гола, бесшумно погружаемся и также бесшумно плывем, охваченные волнующим слиянием человеческой плоти с плотью природы. Природа улыбается нам блеском звездного неба, толкает на самые безрассудные поступки, и мы слушаемся ее, и отдаемся ее призыву...

Кот Рыжик был свидетелем нашей любви к жизни. Он устроился на кромке плота, лежал и тихо мурлыкал, ожидая нашего возвращения...

Он нас дождался. Тихо подплыв к плоту, оттолкнувшись ото дна, мы одновременно забрались на плот. Под нашей тяжестью плот погрузился, и вода мощным потоком хлынула по деревянному настилу. Рыжик никак не ожидал от нас таких действий, бросился бежать с плота во всю свою кошачью прыть. Но от страха он потерял ориентировку, и со всего разбега сиганул в речку. Теперь уже нам вдвоем пришлось приложить всю свою ловкость и старания для поимки кота. Нам удалось это сделать. Завернутый в большое банное полотенце, он шипел и царапался. Но, высохнув, успокоился и стал тем самым домашним котом, который минуты назад был диким и хищным, злым и непреступным зверем.

После всех этих переживаний сон одолевал нас с необыкновенной силой, ноги сами шли к постели, волшебная ночь убаюкала и погрузила в мир грез. До следующего

утра.

По кругу.

Солнечный лучик нежно коснулось моей щеки, скользнул по глазам, заставил меня вздрогнуть и раскрыть глаза. Одновременно через раскрытое окно все громче и громче стали

доноситься странные звуки: звон колокольчиков и тяжелый топот по земле. Для городского человека они показались странными, а на самом деле это шло стадо домашних животных, коров, коз и овец на пастбище. Пастух неопределенного возраста лениво оглядывал доверенное жильцами поселка стадо, молча без эмоций, направлял скотину к одному ему известному месту. Чувствовалось, что эти действия для него давно стали привычными, и животные не нуждались в особом понукании. Все, словно в каком – то полузабытыи выполняли то, что делали из года в год, изо дня в день.

Утренняя прохлада еще не разогнала сладких сновидений и не взбодрила по – настоящему. Но рыжее Солнце и чистая небесная синь обещали жаркий день, а вместе с ними духоту и яростные атаки оводов и слепней. Особенно от них страдают коровы, которые прячутся от назойливых насекомых прямо в реку. Они забираются в воду по самую шею, и речка превращается в рогатый и мычащий водоем, в котором торчащее множество коровьих голов жует свою бесконечную жвачку.

Но это будет в палящий полдень, а сейчас они мирно топают навстречу очередному дню, словно понимая, что и завтра будет точно такой же.

Огород.

Без лишнего шума, осторожно выскользнув из-под мягкой руки жены, накинув на себя одну легкую тонкую рубашку, осторожно ступая по прохладным половицам, выбираюсь во двор. Глаза скользят по уже знакомой картине.

Как такового огорода во дворе нет. Есть большой участок земли, заросший травой и кустарником. Вот на нем-то и сосредоточилось все мое внимание. Лично у меня из всех моих познаний в агрономии на тот момент было умение высаживать картошку и саженцы деревьев. Их вполне хватило, чтобы научиться растить капусту, огурцы, морковь, редиску, чтобы посадить вишню, кусты смородины и малины.

Вся эта прелесть появилась в нашем огороде позже, через считанные дни, когда не жалея сил мы дружно подняли целину заросшей и запустевшей земли, когда облагороженный земельный участок вздохнул новой жизнью и заблестал своим, поднятым лопатами, черным плодородным слоем. Земля обещала: отплачу добром за ваш труд. Так оно потом и вышло. Только жара и сушь местного климата требовали одного – воды, воды для полива растений.

Тридцатиметровой длины шланг с дюйм в диаметре, насос «Гном», посаженный на кол, вбитый в дно речки Горчюшки, электричество – и миниатюрная насосная станция трижды в день гнала воду на участок. Полив проводился под брызги и фонтаны, устраиваемые малышней. Рукотворная радуга блистала в облаках водяной пыли, и было непонятно, кто был более счастлив в эти мгновения: или дети, или земля, или сама радуга.

К полудню жара стояла такая, что красная спиртовая жидкость в термометре упиралась в верхнюю его часть, зашкаливала за 55 градусов Цельсия! На землю невозможно ступить босой ногой, даже деревянные половицы мостков во дворе начинали коробиться, трескаться, и чуть ли не обугливаться... Спасала река и легкий ветерок. Кожа на теле давно у всех стала темно-коричневой от загара. Мое лицо превратилось в головешку. Однажды, нечаянно разбудив тещу от полуденной дремы, она спросонья и перепугу назвала меня рыжим чертом, и прогнала меня из своих видений крестным знаменем!

Коты прятались в тени или отсиживались в домашней прохладе. Только малышам все было нипочем. Они появлялись в доме только поесть, и снова пропадали на песчаном пляже, строили из песка свои замысловатые фантастические дворцы и замки, или просто купались до самозабвения.

...Собирать огурцы в огороде занятно. Они прячутся в листе невероятным образом. Сколько бы не перебирал каждое растение, все равно, иногда попадались гигантские образцы почти до килограмма весом! К концу августа из пяти посаженных рассаденок капусты появились такие кочаны, которые не вмещались в большой таз. Белые сочные бока их разрывало

многочисленными трещинами. Потом нам понадобилось немало усилий, чтобы убрать этих гигантов с грядки. Из всего этого богатства, выращенного собственными руками, мы осилили скушать только малую часть. Оставшуюся же передали соседям. Не пропадать же добру.

Детвора.

В нашей семье все концентрировалось вокруг детей: сына Ванюши и дочки Танюши. И перебирались то мы на Поволжье именно ради них, ради счастливого и беззаботного детства. Была одна тревога: как они уживутся с местной детворой. Сразу же оговорюсь: тревоги были напрасными. Сын Ваня в первые же дни умудрился на своем мотоцикле «Восход» завалить забор огорода у одной семьи. Пришлось нам родителям с ними познакомиться. Оказались милейшие люди, у которых трое рыженьких и интересных мальчиков примерно схожего подросткового возраста в 12 лет. К ним подтянулись соседние мальчишки. Собралась команда в семь человек! И все они, как один, рано по утрам собирались возле нашего дома, устраивались на лавочку и ждали, когда проснуться городские гости. Было смешно наблюдать за ними, когда мимо них проходила наша малышка Татьяна в баню умываться. Они как подсолнухи поворачивали ей в след свои головы, следили за каждым ее движением. А она, словно чувствуя такое внимание, грациозно вышагивала перед ними в ночной рубашке, прекрасно понимая любопытство мальчишек.

Ну, а потом все вставало на свои места, отношения шли на равных. Мы с женой придумывали для них всевозможные конкурсы «на интерес». Спросите как? Объясняю...

Вот прошло стадо коров, оставляя после себя «лепешки». К обеду эти ступки удобренной пересыхали в твердые корки. Ребятам предлагалось собирать их в пакеты и приносить в огород. Желающим поучаствовать давали защитные перчатки, целлофановые пакеты, и ждали результат. Ребята старались, как могли... А потом их радовали маленькие приятности от нас взрослых: мороженое и торт с лимонадом. Довольны были все!

А с дровами было еще веселее. Заказали мы как-то грузовую машину дров-«стульчиков» куба три. Переколоть и сложить для взрослых – дело плевое, но вот, чтобы сделали это они – уже интересно. Я им колот «стульчики» на мелкие куски, а они ватагой все переносили и складывали. За пару-тройку часов все было убрано в аккуратные штабеля под навесом бани... Призы в этих случаях особо не отличались. Добавлялись пироги, варенье, йогурты, конфеты, шоколад...

Обратно.

Так незаметно солнышко закатывалось за стену дремучего леса. День сменялся другим, как в калейдоскопе. Незаметно подкрался август, а с ним и надвигалась пора расставания с удивительным, ставшим родным, русским краем. Под конец отпуска мои руки стали грубыми, мозолистыми, жесткими и твердыми. Твердыми до такой степени, что, когда садился за руль автомобиля, я не мог его обхватить в полную силу. Он словно тонул в моих ладонях, как детская маленькая игрушка. Даже удивительно, куда исчезла их изнеженность и белизна, мягкость и элегантность? Зато пришла уверенность и уважение к этим натруженным рукам, уважение к себе и всей моей семье за труд, за терпение, за простое желание жить.

Как это ни грустно, но пришел день расставания с милым сердцу краем. Подкрадывалось вновь знакомое чувство предстоящей дальней дороги, очередного приключения с обратным отсчетом пути.

В день отъезда прощальный стук моего молотка рассказал местным жителям, что наш дом закрывается на целую предстоящую зиму, а может и дольше.

К нам прибежал детвора, с которой мы подружились, пришел Петр Васильевич, другие соседи... Два рыбака принесли двух свежельовленных огромных сомов, от которых пришлось отказаться из-за жаркой погоды и риска испортить рыбу в дороге.

На душе щемило, словно терял что-то дорогое и очень – очень родное. Теплота расставания сглаживала эту боль.

Пришел момент отъезда.

Длинный автомобильный сигнал, крики и машущие руки на прощание, ставших дорогими нам людей, были последними аккордами уходящему лету!

На Двине.

Длинными, зимними вечерами в своей уютной квартире я мысленно перебирал в памяти те удивительные летние дни. Торопил зиму не засиживаться на просторах Северной Двины. И она, словно понимая мое нетерпение, отступала. Но отступала медленно, с достоинством, демонстрируя свою безграничную мощь.

Вот так язь!

Хмурый пасмурный день, резкий порывистый ветер, приличная волна на поверхности Северной Двины с большой натяжкой соответствовали концу мая. А мне очень хотелось хоть немного солнечного дня после изнурительной и длинной зимы.

Мои удочки заждались того момента, когда они вновь зазвенят от напряжения удалой рыбалки, лихих поклевков. Дождевые черви тоже копошились в коробочке, готовые с честью выполнить миссию по удовлетворению запросов заядлого рыбака... Они словно шептали мне: «Сашок, пора на реку. Иди, не бойся какого – то там ветерка. Неужто ты, старый моряк, не преподашь своим умением урок непогоде и бойким рыбешкам?»

Впрочем, уговаривать меня – дело бесполезное. Решения принято давно. Исполнение немедленное...

Мои «Жигули» послушно зашелестели своими десятками лошадиных сил. Короткий прогрев двигателя, плавный старт, разгон... И я мчусь по старой раздолбанной дороге в сторону Холмогор. В известном мне месте спускаюсь по крутому обрыву к реке. Ноги скользят по старой жухлой траве, ветки деревьев и кустарников цепляются за рюкзак и специальный чехол, в котором уютно прижались друг к другу два спиннинговых удилища с комплектами всевозможных снастей.

На берегу Двины настоящий бурелом. Ледоход и паводок натолкал на кромку берега массу пиленого леса. Ели и сосны перекрестили подходы к самой реке. С трудом выбрал местечко почище. Прибрал захламленный берег, и наконец, воткнул «рогульку» для «закидушки», установил раскладной стульчик, пристегнул поводки к удилищу. На крючок насаживаю по пять – шесть червей, образуя бесформенный шевелящийся пучок. Заброс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.